

После ухода Цюй Чэна наш с Цзян Лэем разговор стал заметно более скудным, и большую часть времени мы оба лежали на койках, погруженные каждый в свои мысли.

В больницу то и дело привозили новых раненых, кто-то по-прежнему горько плакал, но в целом царящего в первые дни хаоса уже не наблюдалось. Мы с Цзян Лэем то и дело слышали, как вокруг то один, то другой приглушенно рывкал: «Заткнись, мать твою! Ты военный или нет? Мужчина ты вообще или тряпка бессовестная?»

Инженер Лю из центра информационной поддержки, благополучно миновавший зону риска, как раз оказался на соседней с нами койке, которую освободил Цюй Чэн, так что он лежал вплотную к нам.

Инженеру Лю было около сорока с лишним, на носу у него красовались очки с толстыми линзами. Он еще не до конца оправился от пережитого, лицо оставалось бледным, а тхищное тело казалось почти вплавленным в больничную койку.

— Старик Вэй! Мелкий! — вдруг указал Цзян Лэй куда-то под мою койку.

Собака?

Что это за место такое, откуда здесь взяться собаке?

Я опустил взгляд и заглянул под кровать.

И правда, там возилась маленькая собачонка, настойчиво теребя зубами мой ботинок.

Я протянул руку и вытащил щенка на свет, а малыш тут же принялся радостно лизать мне лицо, так что мне пришлось поспешно отворачиваться.

— Мелкий! Ты как сюда забрел?

Хозяйка щенка, привлеченная его поскуливанием, окликнула меня.

Я обернулся: передо мной стояла красивая девчушка лет двадцати с небольшим, судя по всему, из числа родственников раненых гражданских.

— Простите, я испачкала вашу одежду. Сори!

Девушка обворожительно улыбнулась, всем своим видом напоминая типичную представительницу современной городской молодежи.

— Ой, ничего страшного. Только как это вы умудрились притащить сюда собаку?

Я вернул щенка хозяйке.

— Подобрала по дороге, его так жалко.

От приторно-сладкого тона хозяйки щенка мне стало жутко неловко.

Словно из телесериала.

В душе промелькнула горькая усмешка.

— Девушка, вообще-то сейчас военное время.

В разговор вмешался Цзян Лэй.

— Эх, проклятая война, когда же она наконец закончится. Простите, мне пора идти. Пока!

Бросив это, девушка прижала к груди щенка и зашагала в противоположный конец туннеля.

— В такое время кто-то еще о собаках думает, у людей просто чужой доброты в избытке, мать их так! — грубо проворчал Цзян Лэй вслед удаляющейся девушке.

Тяжелая неделя осталась позади, в носу намертво засел едкий запах хлорки, казалось, даже еда отдает больничным антисептиком.

Каждый день врачи и медсестры по-прежнему возили туда-сюда стонущих и плачущих от боли людей, больница угнетала меня все сильнее, я начал тосковать по внешнему миру, пусть даже по возвращению на поле боя.

Стоило выдаться свободной минутке, как мы с Цзян Лэем выбирались к выходу из палаты подышать свежим воздухом. Сражения за периметром не затихали ни на минуту, о чем свидетельствовали все новые партии раненых, поступавших в госпиталь.

А вот инженер Лю, лежавший на койке передо мной, шел на поправку семимильными шагами и уже мог самостоятельно держать ложку. Директор Чжан, тот самый пожилой врач с острым подбором, навещал его по нескольку раз на дню, лично контролируя процесс выздоровления. Подчиненные инженера Лю тоже приходили по очереди справиться о его здоровье.

Ближе к вечеру, опираясь на плечо Цзян Лэя, я вернулся на свою койку — мы просидели у входа в палату целых два часа.

Снова принесли еду, я с морщинами на лбу взял в руки армейский котелок, от которого разило хлоркой.

— Держи, сделай глоток, — один из бойцов протянул мне горячую кружку с чаем.

Я доел пайку, отставил котелок, взял кружку и поблагодарил товарища.

— Товарищ майор! Вы наконец-то пришли!

Цзян Лэй вскочил на ноги и вмиг вцепился в руку вошедшего.

Я резко обернулся: Ли Вэй!

Похоже, майор все эти дни не знал отдыха: глаза по-прежнему были налиты кровью, а уголки рта покрыты волдырями. Тем не менее выглядел он необычайно бодрым. Страхнув с плеч мелкие капли влаги, Ли Вэй присел на край кровати, которую я для него освободил.

— Ха-ха. Ну как вы тут? Отдохнули за пару дней, герои-орденоносцы? — Ли Вэй приподнял простыню, разглядывая мои перебинтованные руку и ногу.

— Нормально, только внезапное безделье выматывает похлеще всего остального. Герой-орденоносец? Это кто еще герой?

Я с удивлением посмотрел на него, переводя взгляд на окружающих.

— Уничтожил вражеский танк и семнадцать пехотинцев — разве ты не герой? Я ничего не перепутал.

Майор ответил мне серьезным, громким голосом.

Я замер на постели, уставившись в одну точку, и еще долго не мог прийти в себя. Раненые вокруг, расслышав слова майора, один за другим устремили на меня исполненные уважения взгляды.

— Старик Вэй, ты в порядке?

Какая-то вещь шлепнула меня прямо в грудь, возвращая душу на место. Я скосил глаза: это Цзян Лэй.

— Чего это ты сегодня выкроил время заглянуть?

Заставив себя успокоиться, переспросил я.

— Да так. Был на экстренном совещании в передовом командном пункте, а после него заскочил в госпиталь навестить вас обоих. Потом уже такой возможности не представится, — ответил Ли Вэй.

— Предстоит серьезный бой? Когда? Мы что, готовимся к прорыву?

Новости о возможном крупном сражении волновали меня больше всего на свете, только бы оно не началось до того, как меня выпишут.

— Ты шутишь, товарищ майор? Нам ведь до сих пор каждый день отвешивают тумачков. Контрнаступление? На таком крошечном пятачке?

В тылу наших позиций враг по-прежнему раскидывал боевые датчики всех мастей: акустические, инфракрасные, электромагнитные — всякую дрянь. Стоило днем или ночью подняться хоть малейшему шуму, как на нас обрушивался сплошной ливень из вражеских снарядов, крылатых ракет и кассетных боеприпасов большой дальности.

— Получается, удерживая этот город, мы все равно не сможем достичь главной стратегической цели — сорвать наступление противника, как об этом твердит пропаганда? И сколько мы еще протянем, отступив в горы? Здесь же глухой тупик, никаких подкреплений не предвидится!

Я наконец вылил на майора вопросы, которые не давали мне покоя, хотя и понимал, что вряд ли услышу прямой ответ.

Там, на высоте 2416, я уже спрашивал об этом старика Лэя, но он тогда ответил, что раз командование велело держать оборону, значит, так надо, и нечего гадать, сколько мы продержимся — ведь врага удастся сковывать.

Однако мне этот ответ казался верхом абсурда. Ведь когда противник штурмовал наши внешние рубежи вокруг города, он не стал спешно брать нас в полное кольцо, оставив открытым путь на запад, а их главные силы механизированных войск с колоссальной мобильностью давно устремились в погоню за нашими отступающими частями.

В таких условиях у нас еще оставался шанс выскользнуть, почему же мы не ушли? Ведь тогда мы могли бы перегруппироваться и при удобном случае ударить через реку во фланг передовым отрядам противника.

Пока шли самые ожесточенные бои за удержание позиций, думать об этом ни у кого не оставалось времени, но теперь эти сомнения снова занозой засели у меня в голове.

— О деталях распространяться не положено, дисциплина есть дисциплина. Но то, что бой

будет жарким — это к гадалке не ходи. Тебе лучше поскорее вставать на ноги, иначе рискуешь опоздать на самое интересное, — уверенно заявил Ли Вэй.

— Боец, в нашу армию надо верить! — неожиданно подал голос инженер Лю, который ел, прислонившись спиной к изголовью своей койки.

— Верить? Инженер Лю, скажите на милость, как нам противостоять высокотехнологичной войне, которую ведут эти чертовы японцы? За счет чего мы вообще собираемся победить в этой войне? — упрямо вскинув подбородок, выпалил Цзян Лэй.

— Ладно, раз так, давайте начнем с азов информационной войны. Противопоставляя себя современной американской военной доктрине, мы тоже разработали и создали собственную систему новых боевых взглядов с китайской спецификой. Разумеется, информационное управление в нашей военной мысли занимает точно такую же важнейшую роль.

Теория американцев об информационном управлении на практике проявляется главным образом в организации наступления. Они делают упор на всеобъемлющий контроль над пространством боевых действий, или, как они это называют, концепцию единого информационно-силового пространства. Под пространством боевых действий здесь понимается не просто трехмерная среда для разведки, наблюдения и поражения целей, а всё трехмерное пространство вкупе с факторами времени, скорости и электромагнитного спектра. Контроль над театром военных действий на деле означает всестороннее использование преимуществ американских вооруженных сил в сфере информации, маневра и боевых возможностей во всех мыслимых средах — воздушной, наземной, морской, космической и электромагнитной.

Инженер Лю, судя по всему, за эти дни изрядно соскучился по беседам, и стоило кому-то проявить интерес, как он тут же завелся с полуоборота.

Несколько раненых поблизости тоже с любопытством вытянули шеи.

— Погодите-ка. Если рассуждать так, какие у нас вообще шансы на победу в таком сражении? — неуместно прервал я тираду инженера Лю, для меня все эти материи звучали слишком абстрактно.

— Именно так! Огневая мощь противника и нашей армии несопоставима. Враг прекрасно умеет вести скоординированные действия и мастерски использует преимущества своего вооружения, — со вздохом поддакнул Цзян Лэй.

— Все это лишь внешняя сторона. Настоящая причина в том, что мы временно уступаем противнику в прямом противостоянии за контроль над электромагнитным спектром и информационным пространством поля боя. Хотя мы и воюем на собственной земле, развернуть наши силы на полную мощность так и не удалось: большая часть главных сил была разгромлена врагом еще в процессе сосредоточения и марша, — вмешался в разговор майор, и в его голосе отчетливо слышалось горькое возмущение.

— Я же только что вам объяснял: мы точно так же развиваем собственную современную военную теорию и создали свои войска информационной борьбы, — с видом умудренного профессора возразил инженер Лю.

— Инженер Лю, а чем наша доктрина информационной войны отличается от американской? — вклинился в разговор Цзян Лэй.

— Разумеется, отличается. Наша руководящая идеология информационной войны зиждется на оборонительной политике активной обороны, что принципиально разнится с глобальной наступательной стратегией США. Само собой, как вы все прекрасно понимаете, общий уровень наших военных технологий сильно отстает от американского, но если мы сумеем реализовать сильные стороны нашей информационной борьбы, то подобного одностороннего краха на фронте, какой мы наблюдали последние несколько месяцев, больше не повторится, — пояснил Лю.

Я слушал вполуха, чувствуя, как меня одолевает непреодолимая дремота, и невольно зевнул. У сидевших вокруг зевак глаза тоже явно слипались.

— Вы не могли бы выражаться ближе к практике? — я снова оборвал лекцию инженера.

Лю смерил меня сердитым взглядом.

Цзян Лэй подхватил мысль инженера Лю:

— В реальных боевых действиях американцы неизменно делают ставку на упреждающее наступление и контроль над полем боя — то есть на то самое единое информационно-силовое пространство, о котором вы только что говорили. Ведь на их вооружении стоят самые передовые в мире стелс-самолеты, крылатые ракеты и всевозможные высокоточные бомбы.

Инженер Лю с довольным видом кивнул Цзян Лэю:

— Верно, но лишь отчасти. В целом американцы создали совершеннейшую систему управления C4I, где контроль и командование войсками давно вышли за рамки простого наступления. Все аспекты планирования боевых действий ввязаны в единую систему информационного управления и контроля: любые военные операции, генерируемая планами информация или необходимые массивы данных собираются, оцениваются и передаются именно через комплекс C4I. Возьмем, к примеру, тыловое обеспечение: американцы умудрились завязать на систему C4I весь процесс — от производства сырья для военных нужд до распределения материальных средств непосредственно на театре военных действий. И если уж логистика достигла такого уровня, то что говорить о технологической начинке информационного контроля в ходе прямых боестолкновений.

Мы ведь тоже обзавелись собственной системой C4I, однако глубина и ширина ее охвата пока не дотягивают до американских стандартов. Вот в чем разница между нами и противником.

— И всё же, инженер Лю, почему во время боев на наших позициях мы в упор не видели, чтобы наша армия вела с врагом какую-то информационную войну? Нас ведь с самого начала вжимали в землю! — не удержался я от вопроса.

— Как раз потому, что мощь системы С4И делает противника чрезмерно зависимым от нее, и в этом кроется его уязвимое место. Системы сбора информации у неприятеля чудовищно сложны и разветвлены, а объем данных, подлежащих обработке, просто астрономический. Если противостоящая сторона обладает сопоставимыми силами радиоэлектронной борьбы или имеет свои козыри, эффективность американской системы С4И падает в разы.

Военные и коммерческие спутниковые системы противника уже подверглись ударам космических сил нашей противовоздушной обороны, особенно досталось их орбитальной группировке GPS-3. Это значит, что врагу приходится тратить колоссальные ресурсы на поддержание космической связи, разведки и точности высокоточного наведения на поле боя.

В период оборонительных боев на передовой наши главные силы уже сошлись с ними лицом к лицу. Вы же наверняка помните подразделения ПВО в городе — они непрерывно вели с неприятелем борьбу за электромагнитное господство в небе. Враг отчаянно пытался глушить наши радары: не только задействовал активные и пассивные станции помех на фронтовых самоходах, но и пускал в ход противорадиолокационные ракеты; наземные части противника методично засыпали нас снарядами с помехами, одновременно подавляя эфир станциями РЭБ, а также массово поднимали в воздух дроны для разведки и ударов. И каков же результат? Мы все равно сбили тучу вражеских самолетов.

Инженер Лю принялся растолковывать мне обстановку на передовой во время предыдущего этапа обороны.

— Тогда как мы умудряемся противостоять врагу? — мне стало совсем не по себе от удивления.

— Ха, вам пока рановато в деталях понимать, как именно удастся избежать вражеского радиоэлектронного подавления и воздушной разведки. Если говорить простым языком, наши войска РЭБ ни на секунду не прекращали противостояние с американцами, а силы ПВО вдобавок использовали тактические ухищрения: маскировались под ложные позиции, запускали ракеты с выключенных установок, били и сразу меняли дислокацию — в общем, огрызались на комплексное электромагнитное давление с воздуха и земли. Кроме того, наши инженерные войска обладают серьезным боевым потенциалом, они сыграли огромную роль в этой борьбе за господство в эфире. Короче говоря, нужно верить в собственную боевую мощь. Америка — это всего лишь бумажный тигр.

Осипев от долгих разговоров, инженер Лю принялся шарить в поисках воды.

— О, кстати, я вчера видел Цзян Е, — обмолвился Ли Вэй.

— Где?! — тут же подскочил я с вопросом.

— Во втором батальоне третьей роты механизированного полка 203-й дивизии. Столкнулся с ним во время инспекции тыловых частей, — ответил майор.

— Ладно, время позднее. У меня еще дел невпроворот, так что засиживаться не буду. Кстати, я базируюсь на двадцать девятом участке, временно исполняю обязанности начальника штаба дивизии 203, — поднявшись с койки, Ли Вэй попрощался со мной.

Пока мы залечивали раны, за пределами нашего укрытия стремительно менялась обстановка. Сводки с фронта ежедневно циркулировали среди раненых.

На нашем участке блокированные наземные части вели ожесточенные уличные бои с японцами в черте города и отбивали атаки в горных массивах поблизости, в то время как зенитчики на вершинах гор продолжали трепать нервы кружащему вокруг врагу. Противник нарастил удары дальнобойными ракетами и сбрасываемыми с воздуха кассетными боеприпасами по нашим замаскированным горным позициям ПВО и артиллерии, оставив для блокады примерно шестидесятитысячную многонациональную группировку войск в надежде измотать нас голодом и осадой.

На западном фронте, благодаря оказанной нами ранее поддержке, темпы вражеского наступления существенно снизились. Особенно сказалось ослабление авиации: линии снабжения то и дело растягивались, а доставка грузов превратилась в кошмар. Это позволило главным силам Чэндуского и Северо-Западного военных округов на западном направлении перегруппировать оборонительные порядки и своевременно перейти в контрнаступление. Пусть грандиозных успехов достичь не удалось, стратегические мобильные силы неприятеля понесли тяжелый урон, а массированные бомбардировки провинций Сычуань, Гуйчжоу и Шэньси были вынужденно прекращены.

Многочисленные беженцы, эвакуированные с востока, были оперативно расселены местными властями по провинциям, хотя положение оставалось тяжелым — многие по-прежнему страдали от нехватки еды и лекарств; к тому же из-за жары и дефицита чистой питьевой воды в ряде регионов начали вспыхивать эпидемии.

Успешно вывезенные с побережья стратегически важные заводы перешли на военные рельсы, и в войска хлынул поток военных грузов. Нынешняя ситуация выглядела куда лучше, чем в первые два-три месяца после вспышки войны, и на западном фронте мы постепенно начали перехватывать инициативу.

На северном фронте наш Северный военный округ, оправившись от шока первых месяцев пассивной обороны, перешел к серии контрударов. В лоб нашим войскам на северном направлении тогда шли в основном японские части. Однако при мощной поддержке авиации наши механизированные соединения пошли в яростную атаку, и всего за две недели с карт генерального штаба японской армии исчезло сразу четыре дивизии. Пытаясь выправить положение на севере, противник бросил на этот участок два свежеприбывших американских тяжелых дивизиона. Стороны увязли в позиционном тупике.

Между тем китайские диверсионные группы, скрытно действовавшие в Америке и Европе, провели успешную масштабную кибератаку на гражданскую интернет-инфраструктуру США, нанеся американской экономике колоссальный ущерб. Особенно пострадали мобилизованные тыловые предприятия, производившие и перевозившие боеприпасы. Поток американских военных поставок на китайский фронт на время заглох, погрузившись в хаос.

Китай наконец отомстил за уничтожение собственной гражданской сети американцами в самом начале войны.

Передавать свежие сводки было редкой радостью, и мы с Цзян Лэем с охотой зачитывали их вслух бойцам, потерявшим зрение. Видя, как на их лицах постепенно расцветают улыбки, мы и сами снова и снова черпали в этом радость победы.

— С какой стати собакам нельзя давать сосиски?! Люди делятся своими пайками добровольно, какое ваше собачье дело, медсестры проклятые!

Рядом с зоной отдыха гражданских раздался пронзительный, визгливый крик молодой женщины, вмиг разрушивший мирную атмосферу в палате. Сморщившись от отвращения, Цзян Лэй поднялся с койки и зашагал к эпицентру скандала.

Это та самая барышня, что искала у меня собаку несколько дней назад, заливалась истеричным криком, а главная медсестра У с больничной каталкой наперевес стояла напротив, ни на шаг не отступая и жестко парируя нападки. Похоже, кто-то из штатских делился с псом скудным пайком.

— Вы бы поумерили тон, это полевой госпиталь, извольте подчиняться больничным правилам,
— с досадой протиснувшись вперед, бросил Цзян Лэй.

— А что не так с нашим тоном?! Мы что, скандалим на пустом месте?! Мы нарушили устав распределения продовольствия?! Или нам теперь и кусок в горло по чьей-то указке заталкивать?!

Парочка тут же набросилась на Цзян Лэя с упреками, отчего тот залился краской и не нашелся что ответить.

— Заткните пасти! Хватит здесь изворачиваться, орать при всем честном народовидении — позор. Не стоит принимать вежливость и терпение военных за слабость! Если так зудит позориться — катитесь к американцам, посмотрим, станут ли они экономить крохи ради ваших шавок!

Не выдержав, какой-то мужчина средних лет шагнул из толпы и отбрил парочку молодых хамов, густо приправив речь фуцзяньским говорком. Его лысина ярко выделялась среди окружающих.

— Ты еще смеешь нас поучать! Сам-то в часы раздачи жрал громче всех! — не оборачиваясь, ядовито бросила девица с перекошенным от злобы лицом.

— Ты... ты... Бессовестность в чистом виде! Вас родители вообще учили хоть какому-то стыду?!

Мужчина с фуцзяньским акцентом топнул ногой от бессильной ярости, развернулся и вихрем выскочил из палаты, оставляя за спиной зарождающийся хаос.

И в тот момент, когда девица собралась выдать очередную порцию мерзких гадостей, из толпы протянулась рука с пистолетом и уперлась ей прямо в лоб.

Ее спутник от исхода осел на пол с побелевшим жирным лицом.

Это была женщина-офицер в полной полевой форме. Дуло ее пистолета уставилось аккурат в висок разошедшейся девицы, курок был взведен на предохранителе.

Взгляд женщины-офицера метал смертоносные молнии, и эту леденящую ауру я физически ощущал сквозь ряды стоявших вокруг людей.

— Вон!

<http://bllate.org/book/21115/2142673>